

«Татищевские известия» об Александре Невском в отечественной историографии

Долгов В.В.

Удмуртский государственный университет, Ижевск

В статье рассматриваются «татищевские известия» о жизни и деятельности князя Александра Невского.

Цель исследования – установить, на материалы каких летописных и иных источников опирался В.Н. Татищев при работе над главами «Истории Российской», посвященными князю Александру Невскому. Каковы были методы его работы с этими источниками?

Материал и методы. В.Н. Татищев весьма подробно описал, какие «манускрипты» он использовал при написании «Истории». Однако существует целый класс известий, имеющих в труде В.Н. Татищева, но отсутствующих в изучаемых им летописях. Вопрос, не теряющий научной актуальности уже два столетия: каковы источники этих сведений? Для разрешения этого вопроса необходимо подвергнуть аналитической текстологической проверке не только саму «Историю», но и весь круг чтения историка, включивший не только те летописи, которые были непосредственно использованы при создании текста, но и более широкий круг доступной ему исторической литературы.

Результаты и их обсуждение. В статье выделено три «татищевских известия», имеющие отношения к Александру Невскому: 1. Дата его рождения. 2. Имя его невесты – полоцкой княжны. 3. Жалоба князя Александра хану Сартаку на брата – князя Андрея. Автор приходит к выводу, что все перечисленные известия можно рассматривать как результат аналитической деятельности В.Н. Татищева как историка. Они не являются результатом привлечения неизвестных источников, мистификацией или проявлением идеологической тенденциозности.

Заключение. Анализ «татищевских известий» относительно жизни и деятельности Александра Невского не дает основания предполагать ни наличия у историка каких-либо дополнительных источников информации, ни стремления к ее искажению. В данном случае, нельзя говорить и о каких-то сложных объяснительных конструкциях, которые бы являлись частью какой-либо идеологической доктрины. Понятно, что В.Н. Татищев имел социально-политические убеждения, которые подчас влияли на его подход к трактовке и изложению некоторых исторических сюжетов. Однако в данном случае мы имеем дело не с системной идеологической тенденциозностью, а с умозаключениями и нарративными конструкциями самого простого, элементарного уровня. Это касается и даты рождения Александра, вычисленного Татищевым самым незамысловатым образом, и версии о жалобе князя Александра на брата Андрея, и имени полоцкой княжны, в котором мы можем подозревать лишь случайную ошибочную контаминацию.

Ключевые слова: Александр Невский, В.Н. Татищев, «татищевские известия», княжна Параскева.

(Ученые записки. – 2022. – Том 35. – С. 10–17)

“Tatishchev Information” About Alexander Nevsky in Russian Historiography

Dolgov V.V.

Udmurt State University, Izhevsk

The article deals with “Tatishchev Information” about the life and politics of Prince Alexander Nevsky.

The purpose of the study is to study the annalistic and other texts on which V.N. Tatishchev based while working on the chapters of the Russian History dedicated to Prince Alexander Nevsky; to determine the methods of Tatishchev's work with chronicle texts.

Material and methods. V.N. Tatishchev described in great detail what “manuscripts” he relied on when writing the “History”. However, there is a whole class of information available in the work of V.N. Tatishchev, but missing in the chronicles he used. The current scientific question is what are the sources of this information? To resolve this issue, it is necessary to subject not only the History itself to analytical textological verification, but also the entire reading circle of the historian, which included not only those chronicles, but also a wider range of historical literature available to him.

Findings and their discussion. The article highlights three pieces of “Tatishchev information” related to Alexander Nevsky: 1. Date of his birth. 2. The name of his bride – a Polotsk princess. 3. Complaint of Prince Alexander to Khan Sartak against his brother – Prince Andrei. The author comes to the conclusion that the listed information can be considered as the result of the analytical work of V.N. Tatishchev as a historian. They are not the result of attracting unknown sources, or a hoax or a manifestation of ideological bias.

Conclusion. An analysis of “Tatishchev Information” regarding the life and politics of Alexander Nevsky does not give grounds to assume that the historian has any unknown sources of information, or the desire to distort it. In this case, the explanatory constructions were simple and were not part of the ideological doctrine. It is clear that V.N. Tatishchev had social and political convictions, which sometimes influenced his approach to the interpretation and presentation of some historical facts. However, in this case, we are not dealing with systemic ideological tendentiousness, but with inferences and narrative constructions of the simplest, elementary level. This also applies to the date of birth of Alexander, calculated by Tatishchev in the simplest way, and the version about the complaint of Prince Alexander against his brother Andrei, and the name of the Polotsk princess, in which we can only suspect an accidental erroneous contamination.

Key words: Alexander Nevsky, V.N. Tatishchev, Tatishchev Information, Princess Paraskeva.

(Scientific notes. – 2022. – Vol. 35. – P. 10–17)

Жизнь и деятельность Александра Невского нашла отражение в двух современных ему летописных традициях: новгородской и владимирской. Это понятно: князь был уроженцем Владимиро-Суздальской земли, а весь начальный период его жизни был связан с Новгородом. Обе эти летописные традиции послужили материалом для «последнего летописца» и одного из первых русских историков – В.Н. Татищева. Источниковедческая работа Татищева не только дала научную основу его собственному грандиозному труду, но и создала базу для дальнейших исследований.

Цель работы – установить, на материалы каких летописных и иных источников опирался В.Н. Татищев при работе над главами «Истории Российской», посвященными князю Александру Невскому. Каковы были методы его работы с этими источниками?

Материал и методы. В.Н. Татищев весьма подробно описал, какие «манускрипты» он использовал при написании «Истории». Однако существует целый класс известий, имеющих в труде В.Н. Татищева, но отсутствующих в изучаемых им летописях. Вопрос, не теряющий научной актуальности уже два столетия: каковы источники этих сведений? Для разрешения этого вопроса необходимо подвергнуть аналитической текстологической проверке не только саму «Историю», но и весь круг чтения историка, включавший как те летописи, которые были непосредственно использованы при создании текста, так и доступную ему историческую литературу.

Результаты и их обсуждение. Летописные источники В.Н. Татищев тщательно описал в первых главах своей «Истории». Для работы над периодом жизни и деятельности Александра Невского он в основном использовал две летописи: Новгородскую и Никоновскую.

Относительно обеих летописей Татищев выступил первооткрывателем. Новгородскую летопись он описал в обзоре использованных рукописей следующим образом: «6-й, Новгородской, в котором писатель в 1230-м году о себе тако сказует: “Погребен бысть игумен и мне, Иоанну попу, бывшу притом”. А надпись его: “Времянник, иже наречется летописание русских князей и земля Руская”. И панем оной летописец кем продолжен или собран, неизвестно, токмо в окончании письмо новейшее, лет более ста прибавлено и внизу подписан тако: “Написася книга сия 6952 (1444) году”. Он весьма ветх, взят у одного раскольника в лесу и отдан мною в Библиотеку Академии наук.

В нем хотя многие обстоятельства, что до Малой и Белой Руси принадлежит, выкинуты и сокращены и самое начало переменено, но в нем паки что до Великой Руси или Новагорода принадлежит, то пространнее протчих писано. В нем же единственно закон Ярославова точно находится» [1, с. 124].

Как видим, Татищев пишет, что взял летопись «у одного раскольника» да еще «в лесу». Своей лапидарностью и расплывчатостью формулировка вызывает подозрение в подлинности манускрипта. Татищев обладал весьма развитым источниковедческим чутьем: он не мог не осознавать, что обстоятельства обретения источника являются важной его характеристикой. Поэтому столь обтекаемая фраза, выстроенная в духе типичных литературных мистификаций, не может не настораживать. Эпоха Татищева знала немало неожиданно «найденных» рукописей, оказавшихся на проверку подделками. Нужно учитывать, что в XVIII в. отношение к мистификациям было лояльным. Достаточно вспомнить вполне уважаемых современников В.Н. Татищева – Шарля Луи де Монтескье (поэмы в духе Сафо) [2, с. 179] или Гасьена де Куртиль де Сандра (дневники д’Артаньяна) [2, с. 143], чьи литературные мистификации имели большой успех. Для того чтобы решиться на мистификацию, автору XVIII в. не нужно было преодолевать большого внутреннего сопротивления.

Однако в данном случае подозрения в подлинности документа напрасны. Список Новгородской летописи, с которым работал Татищев, до сего дня хранится там, куда его Татищев передал – в Библиотеке Академии наук в С.-Петербурге [1, с. 451]. Исследователь новгородского летописания А.Г. Бобров указывает на три признака, по которым можно весьма уверенно отождествлять татищевский манускрипт с Академическим списком Новгородской первой летописи (НПЛ) младшего извода [3, с. 41–42].

Во-первых, та самая надпись под 1230 годом о погребении игумена, при котором присутствовал поп Иоанн. В Комиссионном списке такого упоминания нет, а Синодальном в той же позиции значится пономарь Тимофей.

Во-вторых, в Толстовском списке, являющимся поздней копией с Академического, есть заголовки, текстуально близкий к тому, который цитирует В.Н. Татищев. У Татищева «Времянник, иже наречется летописание русских князей и земля Руская», а в Толстовском списке: «Временникъ, еже есть

нарицается летописание князей князь и земля руския».

В-третьих, о том, что Академический список Новгородской первой летописи (НПЛ) младшего извода – это та самая рукопись, с которой работал Татищев, свидетельствует о времени ее создания. В характеристике Татищева сказано, что финальная часть рукописи содержит дату – 1444 год. К настоящему моменту Академический список утратил окончание, а вместе с ним и дату. Толстовский, судя по всему, и вовсе концовки с датой не имел. Иначе говоря, в обеих рукописях даты нет. Однако данные филиграней Академического списка позволяют датировать его как раз сороковыми годами XV в. Вернее, фактическая дата создания списка совпадает с той, что указана Татищевым [4, с. 42].

Сомнений в том, что Татищев пользовался подлинной летописью нет. И все же, его слова об анонимном раскольнике действительно скрывают тайну. Попытку раскрыть эту тайну сделал известный киевский историк А.П. Толочко.

По мнению А.П. Толочко, свет на обстоятельства получения Татищевым Новгородской первой летописи может пролить один из поздних ее списков – Филипповский, названный так по имени одного из владельцев. Толочко обращает внимание на два обстоятельства:

Во-первых, в распоряжении ученых есть письмо Татищева от 1749 года, в котором он рассказывает об отправке копии Новгородской первой летописи среди прочих рукописей в Лондон, в Лондонское королевское общество.

Во-вторых, в самой Филипповской рукописи есть приписка о том, что она создана в 1738 году. Причем, это важно: переписана с древнего оригинала, *хранившегося в библиотеке Сената*.

Выходит, Татищев, уверявший читателя, что получил рукопись от безвестного раскольника в лесу, проговорился в приписке к Филипповской рукописи. Оказывается, вовсе не от раскольника, а из библиотеки Сената!

Согласно реконструкции А.П. Толочко, картина получалась следующая: Татищев в 1738 году утащил рукопись из библиотеки Сената, сделал с нее копию, а потом отдал оригинал в Библиотеку Академии наук. Копию с правдивой оговоркой отправил в Лондон, куда она, впрочем, не дошла, «всплыв» почти через столетие в Германии. Поскольку воровать рукописи нехорошо, он и придумал этого самого раскольника. Такая реконструкция событий видится ее автору совершенно беспорной [5, с. 57–58].

Вместе с тем, вопросы все-таки остаются. Во-первых, описанная рокировка кажется довольно странной, если встать на позицию последовательного вора: зачем красть рукопись в одном государственном учреждении и отдавать ее в другое? Такой фокус имел бы смысл, если бы Татищеву не давали работать с рукописью летописи. Тогда можно было действительно утащить ее из Сената, поработать, снять копии, и для очистки совести вернуть рукопись обратно государ-

ству. Причем, в более приличное для этого место, туда, где она будет лучше доступна для научной работы: в Библиотеку Академии наук. Однако и такая гипотеза не может быть принята: работать с летописью Татищеву никто не мешал. Не было никакого смысла воровать ее для работы из сенатской библиотеки.

У А.П. Толочко есть иное объяснение, являющееся частью его общего понимания деятельности Татищева как затейливого мистификатора. По мнению киевского историка, Татищев стремился всех запутать. Причем, путаницу он наводил основательно. В данном конкретном случае, для пущей путаницы он привлек еще и некую Ярославскую / Ростовскую летопись (утраченную к настоящему моменту). Татищев написал в своем труде, что отправил в Лондон Ярославскую / Ростовскую летопись, а на самом деле – Новгородскую Первую. Реконструкция хитрых и загадочных действий Татищева заводит самого А.П. Толочко в чашу неразрешимых вопросов: зачем Татищев отослал одну летопись, а написал, что другую? Зачем вообще нужно было отсылать летопись и писать об этом?

Имело бы, наверное, смысл заявлять широковестельно, что отправлена одна летопись, а отправлять в действительности тайно другую, если бы кто-то мог засвидетельствовать факт оправки некоего манускрипта. Но Татищев осуществлял свои исследования на собственный страх и риск. Он имел возможность вообще ничего никому не рассказывать. Зачем же было это делать?

Ну и, самое главное, А.П. Толочко акцентирует, что Татищев предпринимал все эти замысловатые действия «сознательно». Но в этом случае было бы хорошо показать, каким образом современный историк прочитывает замысел старинного своего коллеги? Допустим, желание сокрыть факт кражи рукописи из Сената, сочинив получение летописи от некоего раскольника – понятно. Но именно эта часть реконструкции легко опровергается хронологией поступления Академического списка в Библиотеку Академии наук. Загадочными остаются все остальные манипуляции, о которых пишет А.П. Толочко. Указание на сознательность должно бы, по идее, содержать реконструкцию замысла. Каков он был?

На эти вопросы сам А.П. Толочко ответов не дает, а лишь еще раз утверждает во мнении, что «Татищев лгал» [5, с. 59].

С логической точки зрения иррациональная ложь неопровержима. То есть, если любое высказывание X может оказаться ложным, такая «задача Смаллиана» решения не имеет. Однако в реальной жизни мы исходим из того, что ложь должна все-таки иметь более или менее рациональную цель. Допустим, В.Н. Татищев мог заниматься фальсификацией и мистификацией для придания логической стройности своему труду. По мнению А.П. Толочко, мистификация могла служить Татищеву в качестве механизма объяснения излагаемых им исторических фактов. С этим можно согласиться. Ведь в случае с Академическим

списком и таких относительно рациональных резонансов разглядеть не удастся.

Впрочем, помимо этих общих соображений, гипотеза киевского историка имеет гораздо более весомую, точную и строгую причину навечно остаться гипотезой. Всего один факт, на который указал петербургский исследователь проф. А.В. Майоров. Факт, разрушающий предложенную А.П. Толочко последовательность событий.

В 1738 году Татищев не мог совершить кражу Академического списка из библиотеки Сената по той простой причине, что в 1737 году рукопись уже была передана на хранение в Библиотеку Академии наук [6, с. 94–95]. Указанный факт не является тайной. Он был известен и ранее, но выпущен из внимания киевским историком. О передаче Академического списка в библиотеку АН до 1738 года говорит и тот факт, что уже в 1734 году началась предварительная работа по ее публикации [6, с. 59]. Кроме того, сам по себе Филипповский список обнаруживает ряд текстуальных расхождений с Академическим, что заставляет думать, что протографом к нему послужил другой список, хотя и близкий в целом к Академическому. Что это был за список – неизвестно.

Как видим, история взаимоотношения В.Н. Татищева с новгородскими летописями весьма запутана и почти детективна. Результат тщательного рассмотрения всей системы фактов не позволяет нам пролить свет на источник получения рукописи. Нам остается только поверить самому В.Н. Татищеву, и принять как данность, что рукопись действительно была получена от какого-то раскольника в каком-то лесу. Даже если эта формулировка скрывает какой-то не вполне пристойный способ обретения манускрипта, настоящее состояние науки не позволяет выяснить – какой. Одно несомненно: Академический список у Татищева был, и он использовал его в работе. В описании эпохи Александра Невского Академический список задействован, судя по всему, для работы над первой половиной княжения Александра.

Никоновская летопись также была введена в научный оборот В.Н. Татищевым. История работы с Никоновской летописью не имеет таких затейливых подробностей, как работа с летописью Новгородской. Историк упоминает о ней в своем источниковедческом обзоре как о «летописи, собранной Никоном патриархом» [1, с. 122]. На страницах летописи сохранились его пометы. Из Никоновской летописи почерпнуты в основном данные по второму периоду правления Александра. Новгородская летопись сообщает об этом времени весьма бегло, в то время как Никоновская содержит множество ярких подробностей.

Кроме того, В.Н. Татищев писал, что в его распоряжении была Степенная книга, автором которой он считал митрополита Киприана, а редактором – Макария [1, с. 125].

Вместе с тем «История» Татищева содержит сведения, не встречающиеся ни в одной из тех рукописей, которые он указал в качестве своих источников.

Этих сообщений три (по хронологии):

1. Запись о рождении князя Александра: «Того ж году родился князю Ярославу сын Александр мая 30-го дня» [7, с. 359], помещенное под 6727 (1219) год.

2. Известие о женитьбе князя Александра на полоцкой княжне Параскеве. Уникальность известия заключается не в самом факте женитьбы, а в имени княжны, не известном из других источников. «Того ж лета в Новеграде женися князь Александр Ярославич, внук Всеволож, у полоцкого князя у Брячислава поят княжну Параскевию» [8, с. 25].

3. Известие о том, что Неврюева рать была вызвана жалобой Александра на младшего брата – князя Андрея. «6760 (1252). Иде князь великий Александр Ярославич во Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и прият его хан с честью. И жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюю салтану итти на Андрея и привести его перед себя. И того ж лета прииде из Орды Невруй салтан, и князь Катиак, и князь Алыбуга храбрый ратью на великого князя Андрея Ярославича суздальского и на всю землю Суздальскую» [8, с. 40].

Вообще, историография «Татищевских известий» весьма обширна. В исторической науке было высказано множество соображений на их природу. Их можно сгруппировать в несколько больших групп.

Согласное первому мнению, В.Н. Татищев черпал информацию из недошедших до наших дней источников. В качестве таковых в трудах Татищева фигурируют, например, Иоакимовская и Раскольничья летописи. Впрочем, происхождением из этих то ли утерянных, то ли вовсе не существовавших источников объясняют обычно сведения, касающиеся ранних, начальных периодов русской истории. Относительно XIII века летописные источники В.Н. Татищева можно считать установленными.

Согласно другой точке зрения, наиболее последовательным представителем которой является А.П. Толочко, В.Н. Татищев – мистификатор, который не видел криминала в том, чтобы присочинять детали, если этого требовала логика повествования. По мнению А.П. Толочко, выдуманные сюжеты Татищев мог использовать для продвижения своих общественно-политических идей или в качестве замены объяснительным конструкциям, которые плохо вписывались в его труд в силу, фактически, летописного стиля изложения. Иногда же, как было показано выше, по мнению А.П. Толочко, Татищев мистифицировал и запутывал читателя просто так, без всякого понятного смысла.

И, наконец, третья точка зрения объясняет уникальные татищевские известия издержками его литературной манеры. Когда новые «факты» образовывались только как побочный продукт Татищевского красноречия, как неизбежный «зазор» между использовавшимися Татищевым летописными текстами и его собственным.

Все перечисленные точки зрения, как правило, выступают в комплексе, поскольку применить ко всем известиям один ключ невозможно.

Сравнение текстов летописи и «Истории» позволяет сделать предположение о природе некоторых «татищевских известий».

Возьмем, например, список имен новгородцев, которых великий князь Юрий Всеволодович требовал выдать ему для расправы:

Академический список НПЛ м.л. извода	«История» В.Н. Татищева
«...выдайте ми Якима Иванковича, Микифора Тудоровича, Иоанка Тимошинича, Здилу Савинича, Вячка, Иванца, Рядка» [9, с. 268]	«...отдали ему Акима Иванькова, Никифора Дурова, Ивашка Тимошкинича, Гнездила Савина, Вятку, Иванча и Радку» [7, с. 214]

Как видим, большая часть имен в приведенных списках подвергнута трансформации. Какую научную цель ее мы может предположить?

Ровным счетом никакой. Перед нами всего лишь адаптация имен, которые Татищев воспринимал как «древние» к привычному для XVIII века звучанию. С точки зрения современного ученого, адаптация имен – совершенно ненужное занятие. Зачем превращать Микифора Тудоровича в Никифора Дурова? Однако и в современных исторических трудах можно встретить нечто подобное. Например, типичное новгородское «ц» в окончании отчеств новгородских бояр меняют на более привычное для современного уха «ч». Так боярин «Стефан Твердиславиц» [9, с. 276] превращается в научной и справочной литературе в Степана Твердиславича и пр.

Кроме того, нужно иметь в виду, что В.Н. Татищев был, фактически, единственным историком в России I пол. XVIII в. Он работал вне какой бы то ни было профессиональной критики. Поэтому в его творческой манере в полной мере представлены те недостатки, от которых современному историку приходится избавляться под влиянием язвительных замечаний коллег. Судя по всему, Татищев редко перепроверял то, что «застряло» в голове после того, как текст был однажды прочитан. Он не слишком заботился о строгости цитирования, которое тоже часто делалось по памяти. Память же часто трансформирует информацию сообразно психологическим и интеллектуальным установкам. Большой объем сведений, которые пришлось проработать В.Н. Татищеву между других его насущных дел, предопределил такого рода ошибки и неточности.

Притом, В.Н. Татищев как человек в известном смысле «практический», видимо, не любил не только

богословских экскурсов (что неоднократно отмечалось исследователями его творчества), но и риторических «красивостей» даже в том случае, если они встречались в летописных текстах. В указанном фрагменте обращает на себя внимание сравнение еще двух пассажей. Князь Юрий угрожает новгородцам ударом по городу в случае, если ему не будут выданы перечисленные выше персоны:

Академический список НПЛ м.л. извода	«История» В.Н. Татищева
«...ащели не выдадите ли сихъ, то сице поиль есмь конь Тфърю, а се еще к тому Волховомъ хочу напоити» [9, с. 268]	«...а если оных не отдадут, то б ожидали его к Новуграду» [7, с. 214]

Как видим, летописец изъясняется высоким образным слогом, напоминающим язык современных Татищеву барочных пиитов. Угроза Юрия прийти в Новгород выражена синекдохой: князь поил коня в Тфери (древнее название р. Тверцы), а теперь хочет напоить его в Волхове. Очевидно, «художественность» ассоциировалась у Татищева с «литературностью», а значит – с вымысленностью. Поэтому поэтичность выражений летописца безжалостно уничтожалась в пересказе историка: князь просто сообщает, что придет в Новгород, если ему не выдадут необходимых ему персон. Такая перекодировка тоже вызывает иногда незапланированные изменения смысла. Однако установка Татищева на научность, т.е., прежде всего, на информативность была несовместима в его время с «литературностью». Почти столетие спустя Н.М. Карамзин будет придерживаться совсем иных принципов. Но В.Н. Татищев стремился к созданию систематического изложения «фактов», а не к созданию книги для занимательного и нравоучительного чтения. Его главным нарративным приемом было стремление к сухой подлинности. Поэтому он методично исключал тропы из летописного повествования, излагал события подчеркнуто прозаическим языком. Впрочем, новгородский летописец не слишком часто утруждал историка необходимостью изничтожать риторические украшения: текст летописи в целом весьма прост и деловит. Период правления Александра Невского излагается В.Н. Татищевым в целом согласно летописному повествованию.

Принимая во внимание все вышесказанное, обратимся к анализу выделенных «татищевских известий».

С первым известием нет больших проблем. Нужно иметь в виду, что под 6726 год в Академическом списке Никоновской летописи содержится сообщение о рождении старшего брата Александра – Федора. Причем форма сообщения близка к той, которую В.Н. Татищев использовал для рассказа о рождении Александра:

Никоновская летопись о рождении Федора	Татищев о рождении Александра
Того же лета родился князю Ярославу Всеволодичю сын Федоръ [10, с. 82]	Того ж году родился князю Ярославу сын Александр майя 30-го дня [7, с. 359]

Цепочка умозаключений историка видится весьма простой. В летописи имя Александра начинает упоминаться с 1228 года. В первый раз оно читается в рассказе о том, как их отец Ярослав Всеволодич пошел с княгиней к Переяславлю, а их с братом Федором оставил в Новгороде на попечении боярина Федора Даниловича. По всему строю рассказа понятно, что и Федор, и Александр еще дети. К тому же, дети близкие по возрасту. Поэтому Татищев решил считать годом рождения Александра год, следующий за годом рождения Федора, а поскольку общий строй его текста следовал летописному, он не стал изобретать оригинальных формулировок, и лишь слегка видоизменил летописное сообщение о рождении Федора.

Кроме того, ориентируясь на имя юного княжича, Татищев считал, что крещен он был в честь Александра Римского. То, что князя крестили именно в честь этого святого, убедительно показал В.А. Кучкин: «Татищев, по-видимому, устанавливал дату рождения Александра по дню празднования Александра-воина и всем остальным датам предпочел 13 мая, которая при переписывании его черновиков превратилась в дату 30 мая. И решение Татищева представляется верным, 13 мая празднуется один Александр, а 10 июня – Александр и Антонина. Есть точное указание, что во времена Александра Невского на Руси память Александра Римского отмечалась. Так, в статье 1243 г. Новгородской I летописи старшего извода описывалось знамение, которое случилось 18 мая “на память святого мученика Александра”. Речь идет об Александре Римском, хотя в дату вкралась описка, легко объясняемая палеографически: копиист вместо *гi*(13) по древнерусскому счету написал *иi*(18). Судя по ранним минологиям, празднование Александра Римского было распространено гораздо шире, чем празднование Александра и Антонины» [4, с. 176].

Таким образом, первое из перечисленных известий разъясняется довольно просто. Понятно, что современный историк сделал бы иначе: он объяснил бы механизм определения даты рождения Александра. Однако как было показано, Татищев часто проявлял себя как сухой прагматик: он указал дату рождения Александра. С читателя этого было довольно. То есть, в данном случае, «известие» образовалось не в силу Татищевского «красноречия», а, скорее, в силу отсутствия оно.

К тому же типу известий относится известие о доносе / жалобе Александра на брата Андрея. В этой части «Истории» В.Н. Татищев ориентировался практически полностью на Никоновскую летопись.

Никоновская летопись:	
Въ лето 6760. Иде князь велики Александр Ярославичь во Орду къ царю Сартаку, Батыеву сыну, и приять его царь съ честию. Того же лета приде из Орды Невруй царевичь, и князь Катиакъ и князь Алыбуга храбрый ратью на великого князя Андрея Ярославича Суздальскаго, внука Всеволожа, правнука Юрья Долгорукаго, и на всю землю Суздальскую [10, с. 138].	6760 (1252). Иде князь великий Александр Ярославич во Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и приять его хан с честию. <i>И жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюю салтану итти на Андрея и привести его перед себя.</i> И того ж лета прииде из Орды Невруй салтан, и князь Катиакъ, и князь Алыбуга храбрый ратью на великого князя Андрея Ярославича суздальского и на всю землю Суздальскую» [8, с. 40].

Как видим, Татищевская «объясняющая» вставка (выделена курсивом) в текст Никоновской летописи вычленяется четко. Она имеет основой вполне понятный мыслительный прием, когда последовательность событий трактуется как проявление их причинно-следственной связи. То есть, нет необходимости предполагать наличие у Татищева в данном случае дополнительного источника информации или желание мистифицировать. Татищев работал с летописным текстом: осмыслял его, делал умозаключения.

Надо сказать, что предположение В.Н. Татищева о том, что Наврюева рать была результатом жалобы Александра на брата никак не влияет на общую оценку его деятельности, которая оставлена В.Н. Татищевым без изменения и совпадает с оценкой Никоновской летописи.

Самым сложным является известие об имени полоцкой княжны. Его нельзя было вывести путем умозаключений. Имя «Параскева» появляется будто «из ниоткуда».

Сравнение татищевского текста с летописными показывает, что образцом для татищевского сообщения о свадьбе служила, скорее всего, Никоновская летопись:

НПЛ	Никоновская летопись	В.Н. Татищев
В лѣто 6747. Оженися князь Александръ, сынъ Ярославъ, в Новѣгородѣ, и поя в Полоцкѣ у Брячислава дщерь, и вѣнчася въ Торощѣ; и ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую [9, с. 289].	Того же лета въ Новеграде женися князь Александр Ярославич внук Всеволожь, правнукъ Юрья Долгорукаго, у Полоцкого князя у Брячислава [10, с. 114].	Того ж лета в Новеграде женися князь Александр Ярославич, внук Всеволожь, у полоцкого князя у Брячислава поят княжну Параскевию [8, с. 25].

Однако к летописному тексту добавлено имя полоцкой княжны – Параскевия. Откуда оно взялось? Обычно появление имени объясняется фантазией историка. Так, например, считает видный знаток древнерусских древностей А.В. Сиренов: «Нетрудно заметить, что Татищев приводит известное летописное известие о женитьбе Александра Невского, но от себя прибавляет имя княжны – Прасковья. Подобных добавлений и уточнений у Татищева немало, и сейчас, после исследования творческой лаборатории первого русского историка, относиться к ним с доверием оснований нет. Полагаем, что имя жены Александра Невского Татищев придумал, как и многие другие “уникальные” факты древнерусской истории» [11, с. 44].

В целом с Сиреновым можно согласиться, но остается неясным: зачем нужна была такая придумка? Одно дело, когда в мистификациях Татищева можно заподозрить какой-нибудь тайный смысл или политический намек. Но в данном случае никакого смысла или намека не видно. Да и в художественном, риторическом смысле полоцкая княжна без имени выглядит ничуть не хуже полоцкой княжны с именем. Зачем нужно было выбирать ей имя? Решительно невозможно предположить, чтобы В.Н. Татищев придумал имя «из головы» и «для красоты». Какая-то основа быть должна.

В русских источниках княжны Параскевы нет. Однако в западнорусского происхождения одна Параскева имеется. Примем, именно полоцкая. Сведения о ней имеются в «Хронике Быховца». «У тот knsz Wasilie połocki żyw nemalo na Połocku у umre, а po sobe zostawił сына Hleba у doczku Paraskowiu, I taia doczka obicala dewictwo swoje zachowaty w celosty do żywota swojego, у postryhłasia w czernicy у swiatogo Spasa у monastyry nad Połotoiu, у mieszkała tam sem lit, bohu służeczy у knihi piszuczy на cerkow, а

potom zobrałasia do Ryma. У w Rymie mieszkauczy bohu służyla pilne, у mieszkała kolkoś hod, у oswiatyłasia, коториу zowut swiataja Praxedis, а po rusku Paraskowia, котороу że w Rymie i kościel zbudowali на imia jeie swiatоie, у tam że ieie polożyli» [12, с. 131].

У нас нет оснований считать, что Татищев был знаком с этой хроникой. Но этого и не нужно. Сведения о Параскеве из Хроники практически дословно дублируются в труде польского историка Матея Стрыйковского [13, с. 314], которого В.Н. Татищев, безусловно, читал, и нередко упоминает в своей «Истории». Конечно, факты биографии Параскевы Полоцкой исключают ее тождество с полоцкой княжной, вышедшей замуж за князя Александра. Однако она была (была бы, если допустить существование в реальности) ее старшей современницей. Исследователями были высказаны разные предположения о том, кто был историческим прототипом Параскевы Полоцкой из Хроники Быховца. А.П. Сапунов предполагал, что под именем Параскевы в Хронике выведена Ефросинья Полоцкая [14]. М.Н. Тихомиров предполагал, что имя Параскева могло принадлежать русской княжне Параскеве Всеволодовне, дочери Всеволода Ярославича, вышедшей замуж за императора Священной Римской империи Генриха IV [15, с. 365]. В данном случае, это не важно. Очевидно имя Параскевы как полоцкой княжны «застряло» в голове Татищева после чтения Стрыйковского, и он без дополнительной проверки присовокупил его к летописному известию о браке князя Александра. Вернее, мы имеем дело не с бессмысленной выдумкой, а с ошибочной контаминацией. Полагаю, подобные казусы известны многим ученым, работающим с большим объемом информации. Обычно их ликвидируют на стадии самопроверки или редакторской правки. Но, как было сказано, именно с критической перепроверкой написанного у Татищева было все не очень хорошо. Поэтому имя Параскевы осталось в его труде.

Заключение. Анализ «татищевских известий» относительно жизни и деятельности Александра Невского не дает основания предполагать ни наличия у историка каких-либо дополнительных источников информации, ни стремления к ее искажению. В данном случае нельзя говорить и о каких-то сложных объяснительных конструкциях, которые бы являлись частью какой-либо идеологической доктрины. Понятно, что В.Н. Татищев имел социально-политические убеждения, которые подчас влияли на его подход к трактовке и изложению некоторых исторических сюжетов. Однако здесь мы имеем дело не с системной идеологической тенденциозностью, а с умозаключениями и нарративными конструкциями самого простого, элементарного уровня. Это касается и даты рождения Александра, вычисленного Татищевым самым незамысловатым образом, и версии о жалобе князя Александра на брата Андрея, и имени полоцкой княжны, в котором мы можем подозревать лишь случайную ошибочную контаминацию.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта по теме: «Создание и подготовка к изданию научной биографии Александра Невского: государственного деятеля и полководца» проект №1/2022.

Литература

1. Татищев, В. Собрание сочинений: в 8 т. / В. Татищев. – М.: Ладомир, 1994. – Т. 1, ч. 1: История Российская. – Репринт с изд. 1962 г. – 500 с.
2. Ланн, Е.Л. Литературная мистификация / Е.Л. Ланн. – М.-Л.: Государственное издательство, 1930. – 233 с.
3. Бобров, А.Г. Новгородские летописи XV века / А.Г. Бобров. – М.: Дмитрий Буланин, 2001. – 287 с.
4. Кучкин, В.А. О дате рождения Александра Невского / В.А. Кучкин // Вопросы истории. – 1986. – № 2. – С. 176.
5. Толочко, А.П. «История Российская» Василия Татищева / А.П. Толочко. – М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. – 544 с.
6. Майоров, А.В. Список Филиппса (Берлинский) Новгородской первой летописи (предварительные итоги изучения) / А.В. Майоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2008. – № 2(32). – С. 91–108.
7. Татищев, В. Собрание сочинений: в 8 т. / В. Татищев // М.: Ладомир, 1995. – Т. 2, 3, ч. 2: История Российская. – Репринт с изд. 1963, 1964 гг. – 688 с.
8. Татищев, В. Собрание сочинений: в 8 т. (5 книгах) / В. Татищев. – М.: Ладомир, 1996. – Т. 5, 6. История Российская – Репринт с изд. 1965–1966 гг. – 784 с.
9. Полное собрание русских летописей: в 46 т. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – 720 с.
10. Полное собрание русских летописей: в 46 т. – СПб., 1885. – Т. 10: Летописный сборник, именуемы Патриаршею или Никоновскую летописью. – 246 с.
11. Сиренов, А.В. Источники XVI в. о браках Александра Невского / А.В. Сиренов // Александр Невский и Ледовое побоище: материалы науч. конф., посвящ. 770-летию Ледового побоища; отв. ред. Ю.В. Кривошеев, Р.А. Соколов. – СПб., 2014. – С. 44–52.
12. Полное собрание русских летописей: в 46 т. – М.: Наука, 1975. – Т. 32.: Хроники: Литовская и Жмойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – 241 с.
13. Стрийковський, М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси / М. Стрийковський. – Львів, 2011. – 1075 с.
14. Сапунов, А.П. Католическая легенда о Параскеве княжне полоцкой / А.П. Сапунов. – Витебск: Типо-лит. Г.А. Малкина, 1888. – 47 с.
15. Тихомиров, М.Н. Древнерусские города / М.Н. Тихомиров. – М.: Изд-во полит. литературы, 1956. – 477 с.

Поступила в редакцию 03.05.2022